

М. В. Крюков

ДАЕТ ЛИ СИСТЕМА БРАЧНЫХ КЛАССОВ КЛЮЧ К РАЗГДКЕ «АВСТРАЛИЙСКОЙ КОНТРОВЕРЗЫ»!

Статья Ю. И. Семенова, посвященная проблеме перехода от материнского рода к отцовскому, имеет подзаголовок «Опыт теоретического анализа»¹. Автор демонстрирует в ней пример дедуктивного метода исследования: исходя из определенных первоначальных постулатов, Ю. И. Семенов путем строго логического рассуждения выводит те или иные структуры, которые затем проецирует в этнографическую действительность и находит в ней реальные формы социальной организации, соответствующие сконструированной им теоретической модели.

Результаты подобного анализа позволили Ю. И. Семенову открыть в раннеродовом обществе, в частности, такую социальную ячейку, которая ранее отсутствовала в предлагавшихся им схемах развития первобытного общества, — *сусу*. Функционированию этой ячейки и ее соотношению с парной семьей автор придает первостепенное значение, усматривая здесь исходный пункт нескольких различных путей, по которым могло пойти впоследствии развитие всей структуры родового общества. При этом наибольшее внимание автор уделяет тому пути развития, при котором возникает сочетание матрилинейности двух взаимообращающихся родов и патрилокальности поселения (последнее практически равнозначно патрилинейности локальной группы). При наличии указанных условий, по Ю. И. Семенову, возникает система четырех экзогамных групп, связанных между собой строго определенными брачными правилами.

«Существовала ли где-нибудь в действительности структура, подобная нами выведенной теоретически?» — задает вопрос Ю. И. Семенов и отвечает: «Да, существовала. Все то, что выше было описано, есть не что иное, как система брачных классов (секций) аборигенов Австралии. Совпадение, действительно, полное, до мелких деталей»².

Ю. И. Семенов связывает возникновение системы брачных классов с матрилинейностью рода и патрилинейностью локальной группы у аборигенов; отсюда следует весьма важный вывод, составляющий суть статьи: даже если этнографы и зафиксировали у того или иного австралийского племени патрилинейный род, сам по себе факт наличия у него брачных классов является свидетельством предшествовавшего бытования матрилинейной филиации. В этом Ю. И. Семенов видит решение известной «австралийской контрверзы».

М. А. Членов в своем отклике на статью Ю. И. Семенова высказал мнение о том, что предложенная им гипотеза возникновения брачных

¹ Ю. И. Семенов, Проблема перехода от материнского рода к отцовскому, «Сов. этнография», 1970, № 5.

² Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 66—67.

классов, будучи «весьма изящным и внешне убедительным построением», не может тем не менее считаться разгадкой «австралийской контроверзы». М. А. Членов полагает, что брачные классы, подобные австралийским, в равной мере могут порождаться при соблюдении условий, прямо противоположных указанным Ю. И. Семеновым, т. е. при патрилинейности родов и матрилинейности локальных групп (матрилокальности). Тем самым выясняется, заключает М. А. Членов, что в модели Ю. И. Семенова признак материнской или отцовской филиации сам по себе не является существенным: таковым для нее оказываются только противоположные формы линейности и локальности³.

Тот факт, что патрилинейность может сосуществовать с матрилокальностью, М. А. Членов демонстрирует на примере ряда племен бассейна Амазонки. Но, ставя своей целью лишь проверку правомерности построенной Ю. И. Семеновым теоретической модели и найдя в ней логическую погрешность, он в сущности и ограничивается этим, отнюдь не пытаясь спроецировать в этнографическую реальность свою собственную модель. Поэтому М. А. Членов вообще не касается вопроса о том, почему же у патрилинейных и матрилокальных племен южноамериканских индейцев не возникли брачные классы, подобные австралийским.

Но это обстоятельство все-таки требует своего объяснения. Оно возвращает нас к вопросу о том, действительно ли австралийские брачные классы по своей сущности органически связаны с двойной филиацией у аборигенов.

Точка зрения, связывающая возникновение брачных классов с наличием двойной филиации, отнюдь не нова. Впервые она была высказана Ф. Галтоном еще в 1889 г., затем ее поддержал Э. Дюркгейм (1897 г.), а позднее к ней присоединились такие известные этнологи, как Б. Зэлигман (1927 г.), А. Дикон (1927 г.), У. Лоренс (1937 г.), Дж. Мёрдок (1940 г.) и т. д. Работы этих авторов дали Ю. И. Семенову основание утверждать, что взаимосвязь между двойной филиацией и возникновением брачных классов «была уже в достаточной степени убедительно раскрыта в ряде исследований»⁴. Однако тот вариант теории двойной филиации, который излагает сам Ю. И. Семенов, содержит ряд слабых мест, что делает степень его убедительности явно недостаточной.

Попробуем еще раз проследить весь ход мысли Ю. И. Семенова. Фактически он выделяет здесь три различных этапа родового строя.

На первом этапе существования родового общества повсеместно распространена дуально-родовая организация — система, состоящая из двух взаимобрачающихся материнских родов. При этом каждый из входящих в дуальную организацию родов (А и Б) делится на две обособленные одна от другой группы: первую, состоящую из мужчин (м), и вторую, состоящую из женщин и детей обоего пола (ж). Женщины всю жизнь оставались в одной и той же группе. Мальчики же по достижении определенного возраста покидали женскую группу (матерей и сестер) и переходили в мужскую группу своего рода (братьев матерей и братьев). Этот переход отмечался инициациями. Поскольку на этом этапе господствует дислокальный брак, структура дуально-родовых систем может быть представлена в виде схемы (см. рис. 1)⁵.

На втором этапе развития родового строя по мере эволюции отношений по распределению общественного продукта в обществе возникают потребительские ячейки двух типов: *сусу* (группа, состоящая из брата, сестры и ее детей) и парная семья. На этом этапе обнаруживают-

³ М. А. Членов, Можно ли считать «австралийскую контроверзу» решенной?, «Сов. этнография», 1971, № 4, стр. 70.

⁴ Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 70.

⁵ Эта и все последующие схемы отсутствуют в тексте статьи Ю. И. Семенова. Я составил их для более наглядного изложения его точки зрения.

ся две возможности для дальнейшего развития социальной организации. Первый путь связан с оседлым образом жизни: в этих условиях сусу начинает преобладать над отношениями, характерными для парной семьи. Второй путь связан с бродячим образом жизни, при котором начинает проявляться тенденция к отрыву мужской и женской групп одного рода и соединение мужской и женской групп, принадлежащих к разным родам в рамках дуальной организации. Эта тенденция приводит к образованию так называемых локальных групп, или просто ло-

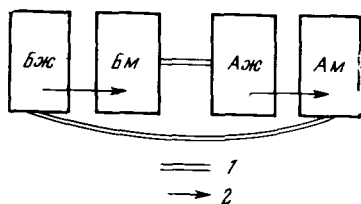

Рис. 1

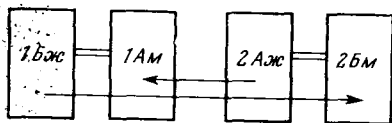

Рис. 2

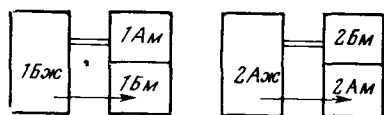

Рис. 3

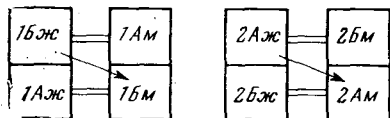

Рис. 4

Рис. 1. Структура дуально-родовой организации на первом этапе родового строя: 1 — брачная связь, 2 — переход мальчиков из женской группы в мужскую (то же относится к рис. 2, 3, 4)

Рис. 2. Структура дуально-родовой организации на втором этапе родового строя

Рис. 3. Структура дуально-родовой организации на третьем этапе родового строя в условиях бродячего образа жизни

Рис. 4. Система брачных классов австралийского типа

калей, с появлением которых структура дуальной организации претерпевает изменения. Так как женщины по-прежнему от рождения до смерти остаются членами одной группы, то тем самым они всю жизнь принадлежат к одному локалю. Мальчики по-прежнему по достижении определенного возраста покидают женскую группу и переходят в мужскую группу своего рода. Но так как теперь мужская и женская группы одного рода входят в состав разных локалей, то тем самым мальчики покидают свой родной локаль и переходят на жительство в другой. Соответственно структура дуально-родовой организации приобретает вид, показанный на схеме (рис. 2).

Третий этап развития родового общества начинается с того периода, когда потребительская ячейка (сусу или парная семья) превращается в ячейку хозяйствования и накопления. На этом этапе также намечается два варианта развития. В условиях перехода к оседлости происходит взаимопроникновение сусу и семьи; для этносов, у которых и после выделения двух локалей продолжает сохраняться бродячий образ жизни, характерен иной путь развития, как раз и связанный с возникновением брачных классов.

В условиях бродячего существования происходит ослабление отношений сусу и укрепление семейных отношений, что имеет весьма серьезные последствия. Если раньше мальчики из женской группы переходили в группу братьев матерей, то теперь они стали переходить в группу

отцов, что привело к существенным изменениям в структуре дуально-родовой организации. Мужская группа каждого локаля стала теперь состоять из двух подгрупп (см. схему на рис. 3).

Но если мужчины подгруппы 1Ам могли вступать в брак с женщинами группы Бж, то мужчины подгруппы 1Бм этого делать не могли в силу принадлежности к одному и тому же роду Б. Они могли вступить в брак только с женщинами группы Аж. Оставление мужчин внутри своих локалей должно было иметь неизбежным следствием переход женщин из одного локаля в другой. Переход этот происходил со вступлением в брак. В результате группа Бж разделилась на две подгруппы: в одну вошли старые женщины, матери, которые родились в локале 1 и оставались в нем всю жизнь, во вторую — младшие женщины, дочери, которые, родившись в локале 1, ушли с выходом замуж в локаль 2. Такое же деление произошло и в группе Аж (схема на рис. 4).

Такая структура представляет собой не что иное, как систему австралийских брачных классов. Подчеркивая, что совпадает здесь все, вплоть до мелких деталей, Ю. И. Семенов отмечает, в частности, что пути образования мужской и женской части каждого класса были в его схеме не вполне идентичными; в полном соответствии с этим «у большинства австралийских племен, имевших брачноклассовую организацию, мужская и женская части каждого класса рассматривались как особые группы. Они обычно имели свои названия, в то время как общего обозначения данного брачного класса в целом не существовало»⁶.

Важно подчеркнуть, что предложенная гипотеза возникновения брачных классов отнюдь не носит локального, чисто австралийского характера; она, по мнению Ю. И. Семенова, применима к любому обществу, идущему по данному пути развития. Поэтому, в частности, в своей рецензии на мою книгу «Система родства китайцев» Ю. И. Семенов писал: «В далеком прошлом у китайцев существовала система четырех брачных классов, которая аналогична той, что детально изучена у австралийцев. Но эта система предполагает наложение отцовской филиации на материнскую, сдвигание этих двух филиаций. Таким образом, у китайцев в далеком прошлом наряду с отцовской филиацией существовала и материнская»⁷.

Можно согласиться с мнением Ю. И. Семенова, что древнекитайская система брачных классов действительно аналогична австралийской. Но как раз анализ этой древнекитайской системы и ставит под сомнение правомочность изложенной выше гипотезы происхождения брачных классов.

Прежде всего, как показал впервые в 1959 г. японский исследователь Эгасира Хироси⁸, в древнем Китае существовало четыре брачных класса, каждый из которых имел одно общее наименование (*бо*, *чжун*, *шу*, *цзи*); особые наименования для женской и мужской части каждого класса отсутствовали. Может быть, впрочем, это явление исключительное, нетипичное? Оказывается, что дело обстоит как раз наоборот. Вопреки достаточно категоричному утверждению Ю. И. Семенова, отнюдь не у большинства австралийских племен известны специальные наименования для мужской и женской частей каждого класса при отсутствии общего наименования данного класса. Достаточно сослаться хотя бы на ту самую работу, которую в данном случае цитирует Ю. И. Семенов: в ней упоминается 22 племени, имеющие особые названия для мужской и женской частей каждого брачного класса; 19 племен, у которых названия женских частей брачных классов совпадают с названиями муж-

⁶ Ю. И. Семенов, Указ. раб., стр. 67.

⁷ Ю. И. Семенов, Рец. на кн.: М. В. Крюков, Система родства китайцев, «Сов. этнография», 1973, № 2, стр. 167.

⁸ Эгасира Хироси, О древнекитайских именах, «Ниппон тью: гокугаку кайхо:», 1959, № 11, стр. 39—52 (на японск. яз.).

ских и отличаются от последних только окончанием *-ан*; 30 племен, терминологически не различающих мужскую и женскую часть каждого брачного класса. Более того, даже у камиларои, имеющих по два варианта названий для каждого класса, некоторые женские варианты явно производные от мужских: *кубита* — от *куби*, *ипата* — от *ипаи* и т. д.⁹ По-видимому, нужно быть очень увлеченным своей гипотезой, чтобы не увидеть этих очевидных фактов!

Но главное не в этом. Гораздо важнее то обстоятельство, что функционирование в обществе древних китайцев системы брачных классов, аналогичной австралийской, решительно противоречит одному из основных тезисов гипотезы Ю. И. Семенова, связывающего возможность появления этой системы с бродячим образом жизни. Следы брачных классов зафиксированы в письменных памятниках середины I тысячелетия до н. э. Но по крайней мере на протяжении пяти тысячелетий до этого предки древних китайцев были оседлой земледельческой общностью.

Уже в конце V тысячелетия до н. э. в бассейне Хуанхэ существовала земледельческая неолитическая культура Яншао. Поселения этой культуры достаточно хорошо изучены благодаря археологическим исследованиям последнего времени. Они, как правило, имели определенную планировку: в центре поселения размещались жилища, за его пределами — гончарные мастерские и кладбище. Жилища четко делятся на две категории — небольшие по размерам полуземлянки (10—15 м²) располагались, как правило, вокруг одного гораздо более крупного здания (обычно не менее 100—120 м²), являвшегося, вероятно, «мужским домом». По особенностям зооморфного орнамента на керамике можно судить о том, что в каждом поселении (локальной группе) жили члены двух родов: Рыбы и Оленя (в Баньпо), Длиннохвостой Птицы и Короткохвостой Птицы (в Хуасянь), Ящерицы и Черепахи (в Мяодигоу) и т. д.¹⁰

Картина социальной структуры яншаоского общества, реконструируемая на археологических материалах, соответствует второму этапу развития родового общества в его оседлом варианте (схема на рис. 2). В более позднее время мы не только не наблюдаем перехода населения среднего течения Хуанхэ к бродячему образу жизни, но наоборот, обнаруживаем значительное увеличение удельного веса земледелия и дальнейшее развитие стабильных поселений. И тем не менее у китайцев почему-то возникает система брачных классов.

Вопрос о том, почему это произошло, в значительной мере проясняется, как только мы обращаемся к проблеме соотношения структуры брачных классов и системы терминов родства.

Тезис о тесной взаимосвязи между брачными классами (секциями) и терминами родства австралийских аборигенов впервые был детально обоснован С. А. Токаревым в 1956 г., указавшим на следующие особенности австралийских систем родства.

1) Групповой характер терминов. Если европейцы называют терминами «мать», «отец», «жена», «муж» и прочими каждый раз одно определенное лицо, то у австралийцев каждый термин обозначает целую группу лиц.

2) Разграничение отцовской и материнской линии родства. Так, например, у аранда дядя по отцу называется так же, как и отец, — *ката*, но дядя по матери — *камуна*; сестра матери — так же, как и мать — *майя*, но сестра отца — *вонна* и т. д.

3) Разграничение поколений, в особенности смежных.

⁹ N. W. Thomas, Kinship organisations and group marriage in Australia, Melbourne — Canberra — Sydney, 1966, p. 42—48.

¹⁰ «Народы Восточной Азии», М. — Л., 1965, стр. 100; «Археология в новом Китае», Пекин, 1961, стр. 9—10 (на кит. яз.).

4) Наличие взаимных обозначений. Очень часто, например, муж и жена называют друг друга одним и тем же термином; столь же часто деды и внуки называют друг друга одинаково. Например, у аранда *аранга* значит отца отца и сына сына.

5) Отсутствие разграничения отношений родства и свойства. Так, один и тот же термин обозначает брата матери и отца жены, один — сына сестры и мужа дочери и т. д.

«Если присмотреться к терминологии родства какого-нибудь племени в целом, — пишет С. А. Токарев, — то можно заметить, что она очень хорошо приспособлена к системе четырех или восьми секций в сочетании с делением на поколения»¹¹.

К этому же выводу приходят А. Ромни и Э. Эплинг в статье о социальной организации австралийцев племени карьера, опубликованной в 1958 г. «Термины родства в большинстве своем *относительны* в том смысле, что применение того или иного термина зависит от характера родственной связи между лицами; наименования секций *абсолютны* в том смысле, что любой индивидуум принадлежит к той или иной секции с момента рождения и сохраняет эту свою принадлежность к ней на протяжении всей жизни»¹². Чрезвычайно точно сформулировав это различие между терминами родства и наименованиями классов (секций), Ромни и Эплинг показывают далее, что обе эти терминологии представляют фактически два аспекта одной и той же социальной организации.

Двумя годами позже было опубликовано одно из исследований Ю. М. Лихтенберг, в котором автор приходит к следующему выводу: «Среди этнографов существует убеждение, что брачные классы являются особой формой социальной организации, присущей только австралийскому обществу, где они впервые были открыты. Но поскольку системы родства австралийского типа широко распространены у первобытных народов, а следы их сохранились и у народов, пришедших к цивилизации, то можно с уверенностью сказать, что брачные классы некогда если не существовали повсеместно, то имели значительно более широкое распространение»¹³. Довольно неожиданные, но достаточно убедительные доказательства правомерности этого утверждения дало, в частности, изучение социальной организации древних китайцев.

Древнекитайская система родства, восстановить которую можно по письменным памятникам XIV—X вв. до н. э., обнаруживает отчетливо выраженные австралийские черты¹⁴ (см. рис. 5).

Из всей совокупности родственных отношений такая система вычленяет пространство, ограниченное тремя поколениями: нулевое (Эго,

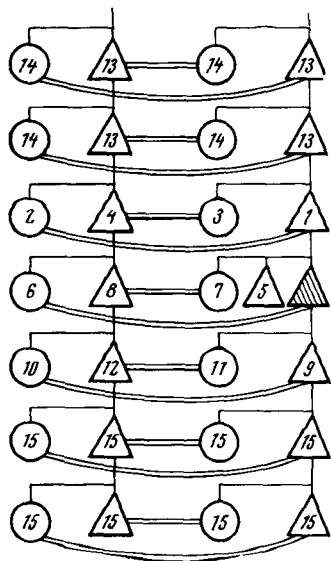

Рис. 5. Древнекитайская система родства: 1 — фу, 2 — му, 3 — гу, 4 — цзю, 5 — сюн, 6 — ци, 7 — мэй, 8 — шэн, 9 — цзы, 10 — фу, 11 — нюй, 12 — чу, 13 — цзю, 14 — пи, 15 — сунь

¹¹ С. А. Токарев, Общественный строй австралийцев, в кн. «Народы Австралии и Океании», (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1956, стр. 160.

¹² A. K. Romney and E. J. Epling, A simplified model of Kariara kinship, «American Anthropologist», 1958, vol. 60, № 1, p. 64.

¹³ Ю. М. Лихтенберг, Австралийские и меланезийские системы родства (турано-ганованского типа) и зависимость их от деления общества на группы, «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. 54, М.—Л., 1960, стр. 236—237.

¹⁴ М. В. Крюков, Система родства китайцев, М., 1972, стр. 223—224.

условное обозначение — заштрихованный треугольник), первое восходящее и первое нисходящее. За пределами этого детального разграничения родственников отсутствует: все мужчины в восходящих поколениях обозначаются одним и тем же термином *цзу*, женщины — *пи*; в нисходящих поколениях все родственники, независимо от пола, — *сунь*. В отличие от этого в пределах трех ближайших к Эго поколений родственники сгруппированы в несколько определенных классов. Члены одного класса вступают в брачные отношения с лицами противоположного пола, относящимися к другому, строго определенному классу. Соответствующие термины родства классификационны в прямом и полном смысле этого слова: каждый из них указывает не на какое-то лицо, находящееся в родственных отношениях с Эго, а на брачный класс, к которому это лицо относится. Соотношение между этими классами определяется двумя критериями: принадлежность к одной из двух экзогамных родственных групп («половин»), связанных обязательным двусторонним браком; принадлежность к одному из трех различаемых поколений.

Именно эти два критерия разграничения родственников лежат в основе всей системы родства такого типа, принципиально отличной от привычной нам европейской. Когда мы устанавливаем родство между двумя какими-нибудь лицами, пишет по этому поводу А. Хокарт, «мы прежде всего стремимся определить ближайшего родственника и для этого движемся вверх или вниз по генеалогическому дереву. Фиджийцы (а также австралийцы и пр.) не поступают таким образом, потому что им в этом нет надобности. Их интересует лишь такая информация, которая позволила бы поместить каждого на должное место в должном поколении»¹⁵. Поэтому, например, термин *шэн* в древнекитайской системе родства (№ 8 на рис. 5), обозначающий с нашей, европейской, точки зрения сына брата матери, сына сестры отца, брата жены и мужа сестры, в действительности указывает на одно-единственное отношение — так обозначаются все лица мужского пола, принадлежащие к «половине» матери Эго и к его поколению. Единственное отличие существующих в такой системе классов родственников от именных брачных классов (секций) заключается в том, что обозначение их с помощью терминов родства имеет *относительный* характер, т. е. зависит от того, кто в данный момент является говорящим, Эго.

Важно подчеркнуть, что оба основных критерия противопоставления родственников в системе австралийского типа были в древнем Китае отнюдь не просто абстрактно-логическими категориями. Они соответствовали реально существовавшим в обществе социальным подразделениям, имевшим свои собственные абсолютные обозначения.

Первый критерий связан с делением общества на экзогамные патрилинейные группы *син*, характеристика которых достаточно хорошо известна по письменным памятникам X—VII вв. до н. э.

Второй критерий находится в соответствии с функционированием групп иного типа, объединявших между собой перемежающиеся поколения и, наоборот, разъединявших смежные. В древнем Китае такие группы носили наименование *чжао* и *му*. Пересечение групп этих двух типов и составляло основу древнекитайской системы брачных классов, которые, как теперь выясняется, имели не только относительные обозначения (классификационные термины родства), но также и абсолютные (*бо*, *чжун*, *шу*, *цзи*).

В свете этих данных выясняется полное совпадение всех перечисленных выше способов классификации родственников в древнем Китае (см. рис. 6).

¹⁵ A. M. Hockart, Kinship systems in: E. A. Hoebel et al. (eds), Readings in anthropology, N. Y., 1955, p. 193.

Анализ относительных и абсолютных наименований у подразделений дуально-родовой организации древних китайцев возвращает нас к точке зрения на происхождение австралийских брачных классов, высказанной в свое время А. Элкиным — одним из наиболее авторитетных специалистов по изучению социальной организации австралийских аборигенов. Этот ученый, которого Ю. И. Семенов, кстати, называет «крупнейшим австраловедом», писал в 1968 г.: «Функции системы секций позволяют предположить, каким образом они возникли, а именно путем разграничения, с одной стороны, братьев и сестер от кросс-кузенов, а мужа от

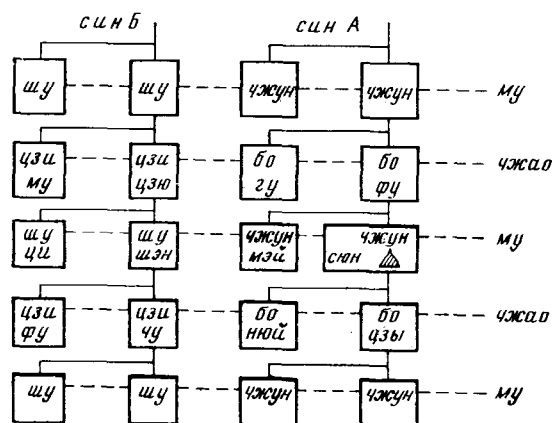

Рис. 6

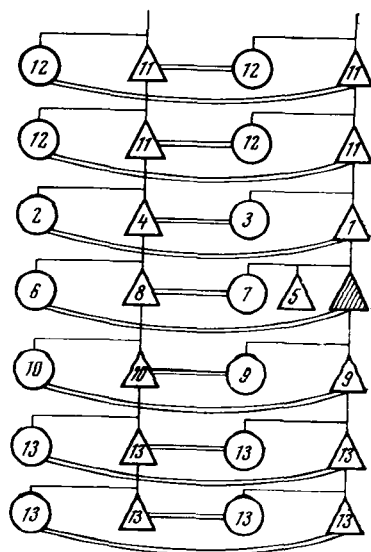

Рис. 7

Рис. 6. Соотношение относительных и абсолютных терминов родства в древнем Китае

Рис. 7. Фиджийская система родства: 1 — тамана, 2 — тинана, 3 — югона, 4 — нгадина, 5 — туакана/тасина, 6 — уатина, 7 — нгансена, 8 — тавалена, 9 — лувена, 10 — вугона, 11 — тукана, 12 — мбуна, 13 — макумбуна

жены; с другой — родителей от детей... Это автоматически приводит к группировке родственников по четырем секциям»¹⁶.

В этой связи весьма характерно, что А. Рэдклифф-Браун, первоначально придерживавшийся гипотезы Галтона — Дюркгейма, позднее отказался от нее и присоединился к мнению Элкина. Полемизируя с Лоренсом, адептом теории «двойной филиации», Рэдклифф-Браун писал в 1951 г., что в Австралии «широко распространены как эндогамные половины (деления, соответствующие перемежающимся поколениям), так и экзогамные патрилинейные половины. В тех случаях, когда они сосуществуют, это с неизбежностью приводит к делению родственников на четыре группы. Если мы обозначим перемежающиеся поколения буквами М и Н, а патрилинейные половины — цифрами 1 и 2, то получим четыре группы: М1, М2, Н1 и Н2. Деление по поколениям может рассматриваться как «горизонтальное», деление на половины — как «вертикальное», поскольку эти подразделения пересекают друг друга»¹⁷.

Таким образом, брачные классы действительно возникают в результате наложения двух взаимопересекающихся структурных компонентов.

¹⁶ А. Р. Elkin, *The Australian aborigines*, Sidney, 1968, p. 128.

¹⁷ А. R. Radcliffe-Brown, *Murngin social organisation*, «American Anthropologist», 1951, vol. 53, № 1, p. 39.

Но такими компонентами являются не патрилинейность и матрилокальность, как считает Ю. И. Семенов, и не вообще противоположные формы линейности и локальности, как полагает М. А. Членов, а принадлежность к определенному поколению (по «горизонтали») и к определенной экзогамной половине дуально-родовой организации (по «вертикали»). Другими словами, система брачных классов может возникнуть при любой форме линейности и локальности, например при патрилинейности и патрилокальности (как у древних китайцев), при матрилинейности и матрилокальности и т. д. Деление родственников на брачные классы внутренне присуще любому обществу, в котором существует дуально-родовая организация. Но в некоторых обществах помимо относительных терминов родства, отражающих эту систему брачных классов, существуют также абсолютные наименования этих классов, в других же обществах такие наименования отсутствуют.

Если мы обратимся, например, к фиджийцам, то обнаружим, что их система родства по своей структуре полностью совпадает как с древнекитайской, так и с австралийской¹⁸ (рис. 7).

Отличия фиджийской системы от древнекитайской заключаются только в том, что, во-первых, мужчины поколения Эго и его половины различаются по их относительному возрасту (старше Эго — *туакана*, младше — *тасина*; в этом отношении фиджийская терминология совпадает с терминологией карьера); во-вторых, в первом нисходящем поколении родственники не различаются по признаку пола.

С другой стороны, фиджийская система отличается от карьера тем, что в последней родственники половины Эго за пределами первого восходящего и первого нисходящего поколений обозначаются одним общим термином, тогда как у фиджийцев родственники нисходящих поколений терминологически отделены от родственников восходящих поколений (в этом отношении фиджийская терминология совпадает с древнекитайской). Однако нетрудно видеть, что эти отличия носят второстепенный характер и по своим важнейшим параметрам фиджийская, древнекитайская и австралийская системы совпадают между собой.

Во всех трех обществах место того или иного лица в структуре дуально-родовой организации определяется двумя кардинальными показателями: принадлежностью к одной из двух половин и к определенному поколению. У фиджийцев, как у древних китайцев и австралийцев, наряду с относительными терминами родства существуют и абсолютные обозначения не только для половин, но и для перемежающихся поколений. Последние называются у фиджийцев *тако* и *лаво* (ср. древнекитайское *жао* и *му*; австралийское *нганандарга* и *танамилдьян*).

Однако специальных наименований для брачных классов у фиджийцев не возникло. Почему? Ответить на этот вопрос попытался Э. Сэрвис.

Независимо от Ромни и Эплинга выдвинув тезис о взаимосвязи и противопоставлении относительных и абсолютных обозначений родства (*эоцентрических* и *социоцентрических* терминов), Сэрвис привел ряд дополнительных соображений в пользу теории Элкина. Он обратил внимание на этнографические факты, свидетельствующие, что брачные нормы регулируются именно эоцентрическими (относительными) терминами родства. Далее, широко распространенное в Австралии явление диффузии и заимствования наименований классов (секций) также подтверждает тезис о «первичности» системы терминов родства, которой органически присуще деление родственников на классы, и «вторичности» системы именных классов¹⁹.

Основной вывод, к которому приходит Сэрвис, заключается в следующем: во всех случаях, когда этнограф обнаруживает особые социо-

¹⁸ A. Capell, A new Fijian dictionary, Suva, 1968.

¹⁹ E. R. Service, Sociocentric relationship terms and the Australian class system, in: G. Dole et al. (eds.), Essays in the science of culture, N. Y., 1960, p. 422.

центрические наименования для брачных классов (секций), он обязательно находит у соответствующего народа также и систему эгоцентрических терминов родства австралийского типа, которая делит родственников на группы по принципу пересечения «горизонтального» и «вертикального» членения общества. Однако отнюдь не у всех этнических общностей, имевших австралийскую систему родства, существовали именные брачные классы. Последние возникают лишь в специфических условиях, когда функционирование эгоцентрических терминов родства оказывается недостаточным.

Таковыми условиями Сэрвис считает подвижность групп аборигенов, благодаря чему члены одной и той же группы встречаются лишь спорадически, тогда как вероятность встречи членов разных групп оказывается значительной²⁰.

Такая точка зрения, однако, принципиально отличается от противопоставления оседлых и бродячих этносов в том плане, как это делает Ю. И. Семенов. По Ю. И. Семенову, бродячий характер жизни приводит к изменениям в структуре дуально-родовой организации и появлению брачных классов там, где их до этого не существовало. По Сэрвису, в условиях подвижности населения структуры уже существующих брачных классов не претерпевают каких-либо изменений, но у этих классов появляются социоцентрические обозначения, которые в иных условиях были попросту не нужны.

Нам остается только вернуться к гипотезе Ю. И. Семенова и выяснить, что является в ней тем слабым звеном, которое, создавая внешнее впечатление логичности, тем не менее лишает всю модель в целом возможности «работать» на реальном этнографическом материале.

Таким слабым звеном является, с моей точки зрения, то новое толкование широко известного в этнографии института инициаций, которое предложено Ю. И. Семеновым. По его мнению, инициациями отмечается переход мальчиков из женской группы своего рода в мужскую группу, что в условиях существования локалей означает переход из родного локаля в другой.

Такое толкование инициаций, ранее в этнографической литературе не выдвигавшееся, требует, по-видимому, подтверждения фактами, которых автор в статье не приводит. Между тем достаточно хорошо известны факты, позволяющие толковать инициации как «социальное рождение» члена рода. Не переход из одной группы рода в другую, а приобщение к роду — такое назначение инициаций находит подтверждение не только в этнографическом, но и в археологическом материале (можно отметить, что в поселениях культуры Яншао, о которой шла речь выше, мужчин и женщин хоронили на общем кладбище, тогда как детей — отдельно от взрослых, в непосредственной близости от хижин).

Но предположим, что толкование инициаций, предложенное Ю. И. Семеновым, будет когда-нибудь доказано. И в этом случае мысль о переходе мальчиков из женской группы в мужскую вызывает целый ряд недоуменных вопросов, коль скоро такой переход связан именно с достижением ими определенного возраста, а отнюдь не с вступлением в брак.

Означает ли это, что, перейдя в группу братьев матерей, юноши не составляли в данном локале особой группы? Ю. И. Семенов говорит о переходе в группу братьев матерей, поэтому на данный вопрос следует дать, в соответствии с логикой всей гипотезы в целом, отрицательный ответ.

Но если это так, то что реально могло воспрепятствовать юношам, перешедшим в группу братьев их матерей, вступать в брак с сестрами их отцов? Поскольку многие из сестер их отцов могли быть примерно

²⁰ Там же, стр. 431.

такого же возраста, как и они сами, единственным средством запрещения подобных браков могло быть только то, что после перехода в новый локаль юноши составляли бы в нем особую группу, отчетливо отличающуюся от группы братьев их матерей. Но такого деления гипотеза Ю. И. Семенова не предусматривает.

Какая система относительных терминов родства должна существовать в таком обществе, где возможны, а значит, и объективно неизбежны регулярные браки между лицами смежных поколений? К сожалению, Ю. И. Семенов вообще не касается этого вопроса. Между тем современной этнографии не известны народы, в системе родства которых так или иначе не проводилось бы различие между поколениями. Но если только в том или ином обществе с дуально-брачной организацией проводится разграничение членов рода по поколениям, уже это само по себе автоматически приводит к образованию системы брачных классов, подобных австралийским.

Подытоживая все сказанное, можно прийти к выводу, что в процессе формирования системы брачных классов (секций) форма линейности не имеет структурообразующего значения. Важно лишь наличие двух связанных между собой узами брака, экзогамных родственных групп, характеризующихся однолинейностью. Совершенно не существенна здесь и форма локальности. Так, у древних китайцев мужчины противоположной половины первого нисходящего поколения (№ 12 на рис. 5) назывались *чу*, что означает «ушедшие», (ибо они были рождены женщиной, принадлежащей к той же половине, что и Эго, но перешедшей на жительство к мужу), а женщины — сестры тех мужчин, которые назывались *чу*, именовались *фу*, или «вернувшиеся» (так как они, став женами сыновей Эго, переходили в его локаль). В противоположность этому современная система родства эвенков, сохраняющая отдельные пережитки дуально-родового брака, включает термин *инэн*, или «пришедшие», для обозначения родственников мужа. Более того, если на раннем этапе существования родового строя действительно господствовало дислокальное поселение супругов, как это предполагает Ю. И. Семенов, то система брачных классов вполне могла функционировать и в этих условиях. А коль скоро появление брачных классов (секций) не является следствием сосуществования матрилинейности и патрилокальности, оказывается неосновательным и основной вывод, к которому приходит в своей статье Ю. И. Семенов. Факт наличия у австралийцев системы брачных классов сам по себе не имеет никакого отношения к вопросу о форме линейности австралийского рода. Таким образом, «австралийская контроверза» не получила еще своего разрешения.

DOES THE SYSTEM OF MARRIAGE CLASSES OFFER A CLUE FOR SOLVING THE «AUSTRALIAN CONTROVERSY»!

The article deals with a hypothesis that links the rise of Australian-type marriage classes (sections) with the so-called «double descent» among the aborigines. This theory had already been put forth at the close of the last century and has received comprehensive substantiation in a number of modern studies. However, its exposition by Yu. Semenov («Sovetskaya Etnografiya», 1971, № 6) lays it, in certain parts, open to criticism. In analyzing the interrelation between the system of named marriage classes and the Australian-type system of kinship terminology, the author comes to the conclusion that data as to the existence of marriage classes outside Australia which has recently gained currency in scientific literature may throw additional light upon the broad laws governing the rise of such a social organization. Marriage classes are inherent in every society possessing a functioning Australian-type kinship terminology irrespective of the prevailing forms of descent and post-marital residence. Hence the system of marriage classes as such cannot in itself decide the so-called «Australian Controversy».